

СКАЗКА

ДЕНЬГИ.

Сочиненіе Г. Д.

С.-Петербургъ.
1868.

A.D. 1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

СКАЗКА

ДЕНЬГИ.

Сочиненіе Г. Д.

С.-Петербургъ.
ТИПОГРАФІЯ В. Н. МАЙКОВА. ВЪ Д. М. Ф. на ДВ. ПЛОЩ.
1868.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 30 декабря 1867 г.

Среди густыхъ кустовъ олеандра, по извилистой тѣсной дорогѣ, пробирался на ослѣ старый Абдула. Согнувъ дугою спину свою и свѣсивъ длинную сѣдую бороду до самаго сѣдла, онъ безпечно тянулъ какую-то заунывную пѣснь, въ которой часто повторялись слова: *аманъ, аманъ*, то есть увы, увы! Вдругъ увидѣлъ онъ не далеко отъ себя смуглаго мальчика, грека, лѣтъ четырнадцати, въ жалкихъ лохмотьяхъ, который гналъ нѣсколькихъ тощихъ овецъ.

— Эй! малый! Твои ли это овцы?

— Не мои, *эфенди*. *)

— Видно, мальчикъ, у тебя ничего нѣтъ своего?

---

*) *Эфенди*, по турецки значитъ: господинъ.

*

— Вотъ-на! у меня есть два сокровища.

— Шутишка ты этакой! какія у тебя могутъ быть сокровища?

— Первое мое сокровище — умъ мой, а второе — время мое.

— Ха, ха, ха! Съ этакими сокровищами не далеко уѣдешь.

— Самъ ты не далеко уѣдешь на ослѣ своемъ...

— Молчать, сволочь! Да ты знаешь ли кто я? Я — Абдула-эфенди! Богатый Абдула, котораго всѣ въ городѣ нашемъ уважаютъ и даже боятся. А ты что? Ты просто лишній человѣчекъ на свѣтѣ, голышъ негодный, котораго всякій прохожій можетъ побить для своей потѣхи.

Едва старикъ договорилъ эти слова, какъ изъ за кустовъ выскочили три разбойника съ ножами въ рукахъ и напали на Абдулу. Старый турокъ выпрямился, словно помолодѣлъ, мгновенно выхватилъ изъ ноженъ свой длинный ятаганъ и началъ отчаянно защищаться. Но не долго бы онъ отбивался противъ трехъ, если бы не подоспѣла къ нему не-

ожиданная помощь. Изъ за кустовъ вдругъ посыпались мѣткіе камни; чья-то рука такъ ловко направляла ихъ, что не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ одному мошеннику попалъ камень въ голову, другому въ зубы, а третьему въ руку. Видя, что плохо дѣло, разбойники съ проклятіями пустились бѣжать въ горы, оставляя за собою кровавый слѣдъ. Абдула оглянулся и увидѣлъ того же мальчика пастуха, продолжающаго швырять каменьями разбойникамъ въ слѣдъ.

— Подойди сюда, малый, закричалъ повелительно турокъ. Я не забуду твоей услуги; скажи мнѣ, кто ты такой?

— Я? я — лишній человѣчекъ... а ты... ты — Абдула могучій! тотъ Абдула, котораго всѣ уважаютъ и боятся... и въ особенности разбойники, какъ ты сейчасъ видѣлъ.

Эта насмѣшка уязвила Абдулу, онъ съ досадою запустилъ руку за поясъ, досталъ оттуда кошелекъ, и, высыпавъ на ладонь горсточку *паръ* *), сердито швырнулъ ими

---

*) *Пара̀*, самая мелкая монета въ Турціи.

въ лице мальчика; но видя, что мальчикъ денегъ не подбираетъ, Абдула съ досадой закричалъ:

— Что же ты, собака, не подбираешь денегъ?

Мальчикъ вмѣсто отвѣта, гордо посмотрѣлъ на турка и удалился медленнымъ шагомъ. Такое обращенiе мальчика поставило турка въ тупикъ. Вспомнивъ однако, что разбойники не далеко, онъ заблагоразсудилъ не оставаться долѣе на этомъ мѣстѣ и вернуться обратно въ городъ, отложивъ на другой разъ посѣщенiе своихъ виноградниковъ. Угрюмо ѣхалъ Абдула и, чѣмъ болѣе удалялся отъ пастуха, тѣмъ болѣе разбирало его какое-то странное чувство. Слова и дѣйствiя мальчика неотступно повторялись въ его воображенiи. Такъ бы онъ и вернулся къ нему, чтобы отколотить нахала, но совѣсть не позволяла ему отвести душу такимъ подвигомъ; вѣдь мальчикъ все-таки спасъ ему жизнь. Да и не безопасно было напасть на такого звѣрка, который обратилъ въ бѣгство трехъ вооруженныхъ разбойниковъ. Обругать его также

не приходилось, потому что дикарь въ долгу не остался бы, а съ лихвою отплатилъ бы ему тѣмъ же. Вернулся бы Абдула, чтобы разцѣловать умнаго и отважнаго мальчугана, которому онъ обязанъ былъ жизнію... да гордость турка противилась такому изліянію благодарности передъ грубымъ *гьягуромъ* [1]). Хотѣлось бы Абдулѣ забыть о немъ... но онъ никакъ не могъ забыть. То злился старикъ, то умилялся, то горѣлъ ненавистью, то стыдился чего-то, и никакъ не могъ угомонить себя. Что за притча такая? думалъ онъ, стоитъ ли тревожиться изъ за такой сволочи? Нѣтъ, это просто нестерпимо, точно заколдовалъ меня этотъ оборванецъ. Эхъ, ка-бы мнѣ такого смышленаго и браваго сынка имѣть! Славный малый... *шайтанъ* [2]) его побери... и спѣсивый такой, словно паша *трехбунчужный* [3]). Но зачѣмъ онъ, негодный, вздумалъ подшучивать надо мною? Такъ бы и зарѣзалъ проклятаго! Уфъ!

---

[1]) *Гьягуръ*, невѣрный; всякій, кто не мусульманинъ, тотъ гьягуръ. Это слово произносится съ презрѣніемъ.

[2]) *Шайтанъ* — Чортъ.

[3]) *Бунчукъ*. Турецкое знамя съ лошадинымъ хвостомъ.

Старикъ пріѣхалъ домой, закурилъ *кальянъ* [1]), а все покоя не находилъ. „Дай-ко пошлю за мудрыми головами, подумалъ онъ. Авось они объяснятъ, что означаетъ моя тревога; авось научатъ меня, какъ избавиться отъ нея.“

По сосѣдству Абдулы жили три старца, давнишніе пріятели его, всѣми уважаемые, какъ мудрѣйшія головы всего *пашалыка* [2]). Къ нимъ за совѣтами прибѣгали не только мусульмане, но и христіане, въ затруднительныхъ обстоятельствахъ; къ нимъ-то прибѣгнулъ и Абдула. Одинъ изъ нихъ *мулла городской* [3]), другой — знатный баринъ, Мегеметъ-бей, а третій—купецъ, грекъ, *Барба-Коста* [4]). Первый изъ нихъ, по мнѣнію турокъ, одаренъ былъ вдохновеннымъ проницаніемъ всего того, что недоступно простымъ смертнымъ; второй отличался кроткимъ нравомъ, терпимостію и правосудіемъ; а тре-

---

[1]) *Кальянъ*. Трубка въ видѣ вазы, съ водою.

[2]) *Пашалыкъ*. Округъ, управляемый пашею.

[3]) *Мулла*. Магометанскій священникъ и судья.

[4]) *Барба-Коста*. Дядя-Коста.

тій славился своею прозорливостію и распорядительностію въ изслѣдованіи и распутываніи самыхъ хитро-сплетенныхъ дѣлъ. Мудрецы гурьбой пришли къ Абдулѣ, сѣли важно на диванъ и закурили длинныя трубки. Абдула разсказалъ имъ объ утреннемъ своемъ приключеніи и подробно передалъ все то, что было сказано между нимъ и пастушкомъ.

— Объясните же теперь, мудрые мужи, отчего я такъ злюсь на этого мальчика, отчего слова его и дѣйствія все повторяются въ моихъ мозгахъ?

— Оттого, сказалъ мулла таинственно, что тотъ мальчикъ, — ума палата, а ты — бездна глупости; оттого, что онъ правъ, а ты не правъ. Ты сказалъ ему, что всѣ тебя уважаютъ, какъ богатаго, а его каждый можетъ унизить, какъ голыша; но тутъ же слова твои опроверглись на самомъ дѣлѣ: не тебя уважили разбойники, а его. Онъ сказалъ, что самъ ты не далеко уѣдешь на ослѣ своемъ, и онъ правду сказалъ! ты вернулся обратно опозоренный, а онъ продолжалъ свой путь побѣдителемъ. Онъ побилъ тебя

умомъ, а разбойниковъ рукою. Да! онъ въ правѣ былъ сказать, что у него два сокровища — умъ и время. Если въ дѣтскомъ возрастѣ онъ такъ крѣпокъ умомъ, то какъ же онъ навостритъ его въ продолженіе цѣлой жизни, которая, можно сказать, только что начинается. Да! онъ далеко пойдетъ! не ты богачь, а онъ; не онъ бѣдняга, а ты. Умъ твой коротокъ, Абдула, а время, оставшееся въ твоемъ распоряженіи, еще короче.

— Не спорю, мудрый мулла; онъ дѣйствительно умный и расторопный малый, но... за что же онъ меня обидѣлъ?

— Чтобы дать тебѣ, старому, урокъ, отвѣтилъ Мегеметъ-бей. Впредь не самохвальничай и не унижай голышей.

— Все это такъ, мудрые люди, а я все таки покоя не нахожу. Такъ вотъ и кипитъ у меня въ груди. Отчего бы это?

— Это совѣсть колетъ тебя, сказалъ Барба-Коста. Мальчикъ спасъ тебя отъ гибели, самъ подвергаясь ярости и мщенію негодяевъ, а ты, вмѣсто того, чтобы питать къ нему чувство благодарности, питаешь злобное чув-

ство противъ своего благодѣтеля. Оскорбленное самолюбіе заглушаетъ въ тебѣ справедливость, но совѣсть беретъ свое, она кипитъ въ тебѣ и вотъ почему не находишь ты покоя.

— И радъ бы я былъ не злобствовать противъ него... да не могу; вижу я самъ, что это славный мальчикъ, сознаюсь, что виноватъ передъ нимъ — а все же кипитъ у меня въ груди. Научи же меня, мудрый мулла, какъ укротить мою злобу. Не поѣсть ли чего? не покурить ли чѣмъ! не прочитать ли стихъ какой изъ корана?

Мулла задумался, и Мегметъ-бей вопросительно посмотрѣлъ на Барба-Косту который сказалъ:

— Когда человѣкъ сознаетъ, что несправедливо злобствуетъ на ближняго, онъ долженъ, хотя бы вопреки своего желанія, сдѣлать ему добро. Тогда благодарность обиженнаго размягчитъ сердце злобствующаго. Кого утѣшишь, того и полюбишь, кого оскорбишь, того и возненавидишь.

— *Аферимъ!* (похвально!) воскликнулъ Мехметъ-бей.

— Мудро, мудро сказано, подхватилъ и мулла... Именно такъ и слѣдуетъ тебѣ поступить, Абдула! Ты всегда жалѣлъ, что нѣтъ у тебя сына; вотъ тебѣ и сынъ, да еще умный, и отважный. Лучшаго помощника и защитника своей старости ты не найдешь. Сама судьба тебѣ посылаетъ его. Это я тебѣ говорю...

— Да вѣдь онъ гьягуръ! сказалъ Абдула съ отвращеніемъ.

— Можно обратить его въ магометанство, замѣтилъ мулла.

— Йокъ, йокъ! (Нѣтъ, нѣтъ), сказалъ рѣшительно Мегметъ-бей. Такого обращенія вы не дождетесь. Души стойкія никогда не мѣняютъ своихъ народныхъ убѣжденій. По моему, коли гьягуръ спасъ отъ гибели магометанина, такъ онъ достоинъ любви его, хоть и остается гьягуромъ. Возьми его къ себѣ Абдула; онъ будетъ опорою и отрадой твоей старости, я ручаюсь за него.

— И я также, сказалъ Барба-Коста.

Когда мудрецы удалились, Абдула задумался. Кишметъ (судьба), воскликнулъ онъ,

связываетъ мою жизнь, съ жизнію этого пастуха; а что судьба связала, того человѣку не развязать. Я должникъ его! и вотъ почему я въ тревогѣ такой. Такъ я же его сдѣлаю должникомъ моимъ; это будетъ гораздо пріятнѣе... Сейчасъ же, сейчасъ поѣду за нимъ.

Абдула немедленно велѣлъ осѣдлать жеребца своего, разодѣлся, вооружился съ ногъ до головы и поскакалъ за городъ молодцемъ. Поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ по утру встрѣтился съ пастушкомъ, онъ привсталъ на стременахъ, чтобы дальше видѣть, и тотчасъ же замѣтилъ его, на пригоркѣ, съ своими овцами. Сердце старика радостно забилось, а злоба внезапно отошла. Такъ ублажаетъ душу всякое доброе дѣло, еще даже и неисполненное, а только задуманное. Стрѣлою помчался онъ къ мальчику, но тотчасъ же принужденъ былъ осадить коня, потому что, какъ только пастушекъ завидѣлъ его, то быстро поднялъ камень и замахнулся на него.

— *Дуръ, дуръ!* (стой, стой), кричалъ ста-

рый турокъ. Это я, Абдула. Я тебѣ не врагъ, я тебѣ другъ, брось камень и подойди ко мнѣ.

— Какъ бы не такъ! Сложи ты прежде оружіе свое, такъ я и пойду.

— Я не передъ кѣмъ не слагаю оружія, сказалъ съ досадою старикъ; я—Османлы*).

— Такъ и оставайся при немъ, и проѣзжай мимо, а ко мнѣ не подходи.

— Молодецъ! говорилъ про себя старикъ; право, молодецъ! Какъ не полюбить этого звѣрка? Какъ бы однако приручить его. Ей, молодецъ! я право вреда тебѣ не сдѣлаю.

— Извѣстно, что вреда не сдѣлаешь! я самъ тебя не допущу.

— Ей малый, не серди меня! берегись!

— Самъ ты берегись. Увернусь я и отъ пули твоей, а ты отъ моего камня не увернешься.

— Что съ нимъ будешь дѣлать? ворчалъ Абдула; силой его не возьмешь; ужь видно приходится смириться. Я сложилъ бы ору-

---

*) *Османлы* — прозваніе магометанъ.

жіе мое, да вѣдь разбойники могутъ опять напасть.

— Не бойся ихъ. Я вотъ сейчасъ видѣлъ ихъ, тамъ, недалеко, за той сѣрой скалой.

— Ну, коли такъ, будь по твоему. Видишь, я съ коня схожу... я его привязываю къ дереву. Смотри, я кладу и оружіе мое на землю — и безоружный иду къ тебѣ. Кинь же въ сторону и ты свой камень... Вѣдь ты мой избавитель, а я твой должникъ... Бе́за я бе́за! (вѣра за вѣру)!

— Коли такъ... изволь, вотъ и я теперь безоруженъ. Что же надо тебѣ, эфенди? Отчего у тебя слезы на глазахъ? обидѣлъ, что ли, тебя кто нибудь?

— Не меня обидѣли, мальчикъ, а я обидѣлъ. Я обидѣлъ тебя, моего избавителя; и вотъ я прихожу помириться съ тобою и воздать тебѣ добромъ за добро. Я полюбилъ тебя за то, что ты умный и бравый; полюби и ты меня, старика; я одинокъ, меня некому любить.

Въ словахъ старика было столько добродушія, столько искренняго чувства, что у

мальчика Яни сердечко забилось. Онъ кротко пошелъ на встрѣчу Абдулы, взялъ его руку, поцѣловалъ ее и приложилъ ко лбу своему въ знакъ преданности.

— Эфенди! сказалъ онъ серьёзно, не поцѣловалъ бы я твоей руки, когда бы она мнѣ грозила.

— Знаю, знаю... я понялъ тебя! Ты добрый и храбрый малый.

— Самъ ты, эфенди, и добрый и храбрый, коли ты рѣшился сложить оружіе передъ слабымъ мальчикомъ; вѣдь не сложилъ же ты ятагана сегодня по утру передъ разбойниками, а ловко справлялся одинъ противъ троихъ. Я этого не забылъ.

Такая похвала окончательно покорила старика. Онъ ласково потрепалъ по щекамъ пастушка и вступилъ съ нимъ въ переговоры. Онъ предложилъ ему жить у себя, съ тѣмъ только, чтобы онъ присматривалъ за нимъ, помогалъ ему въ дѣлахъ по хозяйству, не какъ слуга, а какъ сынъ, обѣщая кормить и одѣвать его, снабжать деньгами, когда ему понадобится, и даже оставить

ему въ наслѣдство свой домъ городской, свои виноградники и стада, лишь бы только Яни до конца остался ему вѣренъ.

— Отдохни здѣсь, эфенди, сказалъ Яни, и дай сроку подумать.

Абдула согласился, легъ на траву подъ кустомъ, а Яни удалился быстрыми шагами, свѣсивъ задумчиво курчавую голову.

— Согласенъ, эфенди, сказалъ онъ чрезъ минуту, подходя къ турку. Согласенъ, но на трехъ условіяхъ. Первое: оставь меня при вѣрѣ моей. Второе: обращайся со мною, какъ съ сыномъ своимъ, а не какъ съ наемникомъ или потѣшникомъ твоимъ. Третье: дозволяй мнѣ выходить изъ дома, куда мнѣ вздумается, въ такое время, разумѣется, когда мое присутствіе тебѣ не нужно. На такихъ условіяхъ я буду вѣренъ тебѣ, не какъ наемщикъ, но какъ преданный сынъ. Если ты не согласенъ на такія условія, то прощай! Если же, принявъ условія, ты не сдержишь ихъ — я убѣгу, и тогда ищи вѣтра въ полѣ.

— Согласенъ, Яни, согласенъ.

— Поклянись Магометомъ и бородой своей.

Аблула исполнилъ и это желаніе мальчика.

— Ну, вотъ и поладили дѣло, сказалъ онъ радостно. Такъ пойдемъ же теперь въ городъ.

— Какъ это можно! воскликнулъ Яни; я долженъ сперва вернуть овецъ ихъ хозяину, и отыскать другаго пастуха вмѣсто себя. Когда я все это исполню, тогда я явлюсь къ тебѣ.

— Честно! сказалъ Абдула. Тебѣ можно довѣриться. Въ знакъ моего довѣрія, я дарю тебѣ мой малый ятаганъ въ серебряныхъ ножнахъ. Онъ тамъ лежитъ на землѣ, у коня; поди возьми его самъ. Носи ты этотъ ятаганъ за поясомъ, и помни, что отнынѣ жизнь моя въ твоихъ рукахъ.

Черезъ три дня, рано по утру, Яни явился къ Абдулѣ и съ той поры они зажили вмѣстѣ, какъ отецъ и сынъ. Когда Абдулѣ

приходилось отправляться за городъ, чтобъ осмотрѣть свои виноградники и стада, Яни сопровождалъ его вооруженный, а иногда и самъ туда отправлялся по порученію Абдулы. Когда старикъ ходилъ на охоту, Яни также не отставалъ отъ него. Охотно онъ ухаживалъ за нимъ, когда тому нездоровилось. Когда же Абдула хандрилъ, Яни потѣшалъ его пѣснями, разсказами и разными веселыми выходками. Нерѣдко давалъ онъ Абдулѣ полезные совѣты, но всегда былъ съ нимъ почтителенъ и вѣжливъ. Въ досужное время онъ выходилъ изъ дома и заводилъ знакомство съ разными жителями того приморскаго городка, въ которомъ они жили. Этимъ выходамъ Абдула не противился, но издали слѣдилъ за нимъ, опасаясь, чтобы малый не закутилъ. Старикъ, до сихъ поръ одинокій, невыразимо пристрастился къ смышленому и вѣрному Яни, да и Яни, безродный и одинокій, всею душею полюбилъ добродушнаго старика.

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ Яни поселился у Абдулы, и въ продолженіе

всего года ни разу не заслужилъ выговора со стороны своего покровителя. Разъ, однако, старый турокъ сказалъ ему:

— Ты видишь, Яни, я не препятствую тебѣ ходить, куда тебѣ вздумается. Ты видишь, что я имѣю къ тебѣ полное довѣріе; такъ будь же и ты довѣрчивъ со мною. Скажи мнѣ, зачѣмъ ты ходишь къ моряку Спиро? Что тебя тянетъ къ этому нищему? Ужь вѣрно разсказы о его разгульной жизни въ франкскихъ [1]) приморскихъ городахъ.

— Нѣтъ, эфенди, ошибаешься. Спиро впалъ въ крайнюю бѣдность потому только, что его трехандири [2]) разбитъ бурею. Онъ человѣкъ дѣльный и разсудительный, а не пустомеля и не кутила. Я изъ разсказовъ его очень ясно вижу, отчего франки такъ сильны, такъ богаты и такъ смышлены.

— А къ мельнику, что тебя манитъ? Ужь не красавица ли жена его?

— Нѣтъ, эфенди! Я учусь у него терпѣ-

---

[1]) *Франками* — въ Турціи называютъ всѣхъ почти европейцевъ не греческаго вѣроисповѣданія.

[2]) *Трехандири* — парусная барка.

ливо переносить невзгоду и лишенія; учусь у него и ремеслу его; какъ знать, можетъ быть и это мнѣ пригодится.

— А къ хлѣбопеку что влечетъ тебя? Ужъ не веселенькія ли дочки его?

— Нѣтъ, эфенди, я помогаю ему хлѣбы печь. И это искусство можетъ быть понадобится.

— А къ попу зачѣмъ забѣгаешь почти каждый день?

— Онъ учитъ меня всякой божеской мудрости; онъ ужь и грамотѣ научилъ меня.

— Положимъ, что все это не лишнее для гьягура... Да къ племяннику-то моему распутному Хасану зачѣмъ ходишь?

— Я учусь у него *джириту* *). Онъ въ этомъ дѣлѣ мастеръ. Впрочемъ это единственный безпутный человѣкъ, съ которымъ я веду знакомство; кромѣ него, я только съ трудолюбивыми, съ честными и съ смышлеными людьми сближаюсь.

---

*) *Джиритъ*, разныя воинскія упражненія на конѣ.

— Отчего же ты съ богачами не знакомишься?

— Богачи бѣдняковъ презираютъ, да и чему мнѣ научиться у нихъ? Развѣ только тому, какъ проѣдать деньги да празднословить? Богъ съ ними.

— Похвально, сказалъ Абдула, потрепавъ Яни по щекѣ..... Такъ ужь ты и продолжай, какъ началъ.

Годъ за годомъ проходили непримѣтно, а между тѣмъ Абдула, при каждомъ свиданіи своемъ съ мудрыми соседями, усердно благодарилъ ихъ за то, что они присовѣтовали ему взять къ себѣ пріемыша. Яни выросъ, укрѣпился и тѣломъ и душею, а старый Абдула началъ хилѣть и увядать. Онъ началъ даже поговаривать о томъ, что пора бы ему распорядиться своимъ имуществомъ... какъ вдругъ одно неожиданное обстоятельство сильно потрясло его, и побудило принять чрезвычайныя мѣры. Вотъ что случилось:

У Абдулы былъ обычай каждое утро выходить изъ дома на прогулку по сосѣдней горѣ. Пробывъ на горѣ часа два, онъ воз-

вращался домой въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Къ вечеру, напротивъ, Абдула становился угрюмымъ и тревожнымъ. Онъ увѣрялъ, что утренняя веселость его возбуждается горнымъ воздухомъ, а вечерняя скука — вліяніемъ душной городской атмосферы. Однажды вернулся онъ съ обычной прогулки своей бѣгомъ; онъ прыгалъ и вылъ какъ умалишенный, охалъ, стоналъ и рвалъ себѣ бороду.

— Что съ тобой, эфенди? что съ тобою, спросилъ тревожно Яни. Ты, кажется, въ страшномъ отчаяніи?

— Еще бы мнѣ не отчаяваться! Злодѣи!.. проклятые!... украли мое сокровище! жизнь мою вырвали изъ тѣла!...

— Не тревожься, эфенди, твое сокровище цѣлехонько. Ступай за мной.

Взваливъ на плечо лопаты, Яни пошелъ въ садъ; за нимъ, шатаясь и охая, побрелъ и старикъ. Когда Яни забрался въ самую чащу густыхъ деревьевъ, онъ торопливо началъ тамъ копать землю... Вырывъ глубокую яму, добрался онъ до небольшаго желѣзнаго сундука.

— Вотъ твое сокровище, эфенди. Пересчитай, всѣ ли тутъ деньги твои, а я, покамѣсть, уйду, чтобъ не мѣшать тебѣ.

Абдула съ дикой жадностью кинулся къ сундуку, открылъ его и началъ пересчитывать червонцы, тревожно озираясь какъ бы не застали его за этимъ занятіемъ. Черезъ часъ кликнулъ онъ Яни и грозно сказалъ ему:

— Деньги цѣлы... Но, какъ смѣлъ ты коснуться до моего сокровища и перетащить его сюда? Какъ смѣлъ ты, гьягуръ, узнать его существованіе? Стало быть я шпіона впустилъ въ мой домъ.

— А развѣ было бы лучше, когдабъ кто другой подсмотрѣлъ, да унесъ твое сокровище не въ твой садъ, а въ свой собственный? Вѣдь такъ и случилось бы, когда бы я не спасъ отъ хищниковъ добра твоего. Мѣсяца три тому назадъ, отправился ты поутру на обычную твою прогулку, я же вздумалъ обойти садъ, чтобъ посмотрѣть, цѣлы ли гвозди на его сплошномъ заборѣ. Вдругъ слышу шепотъ за заборомъ, въ переулкѣ.—

Слышу, какъ чей-то хриплый голосъ говоритъ: „старикъ опять побрелъ на гору? а какъ ты думаешь, зачѣмъ онъ каждый день туда забирается?“ —„Я думаю, отвѣчалъ другой гнусистый голосъ, что у него тамъ гдѣ нибудь зарыто сокровище, и что онъ его-то и навѣщаетъ.“ „Такъ и я полагаю, замѣтилъ хриплый голосъ. У него большіе доходы, это всѣмъ извѣстно; а вѣдь живетъ скаредно... Стало быть онъ копитъ денежки. Онъ, говорятъ, въ молодости бѣденъ былъ; да разомъ разбогатѣлъ; купилъ себѣ этотъ домъ, купилъ виноградники, завелъ стада... а продолжаетъ жить бѣднякомъ. Должно быть, онъ кладъ нашелъ, да съ тѣхъ поръ о томъ только и хлопочетъ, какъ бы уберечь его“.

— Спасибо ему, — прогнусилъ другой... это онъ для насъ старается... помоги... такъ подѣлимся! Подстережемъ его... разузнаемъ мѣстечко, потомъ, ночью, заберемся туда... да и приберемъ все къ рукамъ. Я давно думалъ объ этомъ... да... боялся... Ну, какъ увидитъ, собака? такъ безъ церемоніи подстрѣлитъ.

— Не бойсь... не увидитъ... Я знаю, какъ это уладить... Пойдемъ же скорѣе пока онъ идетъ въ виду... пойдемъ только другой тропинкой. Какъ только мошенники удалились, я тотчасъ же взялъ ружье, пистолеты, ятаганъ и пошелъ вслѣдъ за ними... Увидя меня, они пришли, словно, чтобы отдохнуть и полюбоваться природою. Я узналъ этихъ двухъ бродягъ... потому что не разъ встрѣчался съ ними въ сумеркахъ. „Здравствуйте, добрые люди,“ сказалъ я ласково, и кинулъ имъ горсть паръ. Они отвѣсили мнѣ низкіе поклоны... и кажется повѣрили, что я ихъ ни чуть не подозрѣваю. Однако пройдя мимо, я увидѣлъ издали, что и они побрели обратно въ городъ, вѣроятно потому, что нашли свою экспедицію неудобною въ то утро. Самъ же я, незамѣтно для нихъ, слѣдилъ за тобою. Къ такому дѣлу, я съ дѣтскихъ лѣтъ приловчился, когда, бывало, слѣдилъ за волкомъ, или за мошенникомъ, которые подкрадываются къ овцамъ моимъ. И вотъ я подсмотрѣлъ, какъ вошелъ ты въ миртовую чащу, какъ сѣлъ на бѣлый камень

среди лужайки и внимательно осматривалъ траву и цвѣты у ногъ своихъ. Я понялъ, что ты это дѣлаешь, чтобы убѣдиться, не рылся ли кто-нибудь на этомъ мѣстѣ. Я видѣлъ, какъ ты улыбался, впиваясь глазами въ землю, какъ будто видѣлъ насквозь свое сокровище. Ты удалился, а я бѣгомъ пустился другой тропинкой домой. Досталъ лопату, незамѣченный тобою, припряталъ ее подъ бенишь *) стрѣлою полетѣлъ опять на гору, къ тому самому камню, на которомъ ты сидѣлъ... Бережно снялъ я дернъ, и отложилъ въ сторону; вырылъ яму, досталъ сундукъ желѣзный, и тотчасъ же, кинувъ на мѣсто его большіе сѣрые камни, зарылъ опять яму, утопталъ землю и накрылъ ее тѣмъ же самымъ дерномъ, такъ что и слѣда не осталось отъ моей работы. Притащить домой тяжелый сундукъ было невозможнымъ дѣломъ; я разбилъ тогда его замокъ, и началъ по немногу переносить домой червонцы, которые въ немъ были, а сундукъ, между тѣмъ, за-

*) *Бенишь* — родъ халата.

рывалъ наскоро то въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ; наконецъ и его самаго сюда притащилъ. Не мало труда, хлопотъ и заботъ стоило мнѣ все это дѣло. Но, по крайней мѣрѣ, отстоялъ я добро твое отъ хищниковъ, и ты самъ видишь, что когда бы я такъ не поступилъ, то тѣ мошенники, вмѣсто сѣраго камня, выкопали бы твое золото.

— Зачѣмъ же ты сдѣлалъ это тайкомъ отъ меня?

— Чтобы не встревожить тебя. Я каждый день собирался сообщить тебѣ эту тайну... Да не хватало духа... ты такъ слабъ... Вотъ твое сокровище, спрячь его теперь въ другое мѣсто, да смотри — похитрѣе, чтобы плуты опять не смекнули...

Пока Яни говорилъ, старикъ внимательно слѣдилъ за его выраженіемъ лица... и долго послѣ того, какъ Яни замолчалъ, онъ продолжалъ тревожно озираться. Видно было, что въ душѣ его происходила борьба, и что онъ собирался съ силами, чтобы рѣшиться на крайнюю мѣру.

— Яни, сказалъ онъ, ты также уменъ,

какъ распорядителенъ и честенъ. Коли ты съумѣлъ лучше меня сберечь мое добро... такъ тебѣ и беречь его. Я старъ, я хилъ, подходитъ мой конецъ. А потому, собравшись съ силами, я завтра же хочу, отправиться въ Меку *) на поклоненіе. По всей вѣроятности, тамъ я и кости мои положу. Я давно собирался туда, да этотъ проклятый сундукъ не пускалъ меня. Онъ всю жизнь мою поглощалъ и отравлялъ. Днемъ не давалъ мнѣ добраго дѣла сдѣлать, а ночью не давалъ покойнаго сна. Такъ слушай теперь. Если я черезъ полгода не вернусь, такъ и не жди меня и почитай себя полнымъ обладателемъ всего моего имущества. Ты, въ дѣтствѣ, спасъ мнѣ жизнь, ты — цвѣтъ молодости своей посвятилъ мнѣ, ухаживая за моею старостію. Ты спасъ и сокровище мое... вмѣсто того, чтобы, отрывъ его, убѣжать съ нимъ за горы или за моря. Стало быть я всѣмъ тебѣ обязанъ. Одного... одного только боюсь я... какъ бы золото

---

*) *Мека.* Городъ, гдѣ могила Магомета.

мое, вмѣсто награды, не послужило тебѣ наказаніемъ... такимъ наказаніемъ, какимъ оно было для меня всю жизнь... Знай, однако, что я не безъ условій вручаю тебѣ мое имущество. Поручаю тебѣ, во-первыхъ, выдать распутному моему племяннику Хасану двѣсти червонцевъ. А во-вторыхъ, и это главное, вмѣняю тебѣ въ священную обязанность не мытарить моего золота, а беречь его въ безопасности и цѣлости... лучше даже чѣмъ я берегъ его самъ.

— Съ благодарностію принимаю щедрый даръ твой, благодѣтель мой. Въ точности исполню волю твою... но молю Бога, чтобы ты вернулся изъ Меки цѣлъ и невредимъ, и по прежнему оставался хозяиномъ и господиномъ добра своего и преданнаго тебѣ Яни. Во всякомъ случаѣ, прошу тебя созвать мудрыхъ сосѣдей нашихъ и повторить передъ ними все то, что ты сказалъ теперь мнѣ.

Абдула нашелъ, что просьба питомца его основательна и тотчасъ же послалъ за сосѣдями. Какъ только они собрались у него, онъ объяснилъ имъ въ чемъ было дѣло, и

просилъ ихъ служить свидѣтелями и облечь его волю въ законную форму. Сосѣди похвалили Абдулу, похвалили Яни, обѣщали поступить, какъ слѣдуетъ, и пожелавъ старому пріятелю — счастливаго пути, разошлись по домамъ.

Абдула на слѣдующій же день отправился въ Мекку, и Яни принялся хозяйничать и управлять его имѣніемъ, продолжая жить также скромно, какъ и прежде.

Прошло полгода... Объ Абдулѣ нѣтъ ни слуху, ни духу. Однажды вечеромъ, три старые сосѣда зашли къ Яни.

— Послушай, Яни, сказалъ мулла, урочный срокъ миновалъ, а нашъ Абдула не вернулся. Вотъ и пришли мы признать тебя полнымъ хозяиномъ всего его имущества.

— Благодарю васъ, почтенные люди, за вашу заботливость. Я знаю, что срокъ миновался, но не знаю, скончался ли дѣйствительно мой благодѣтель. Какъ знать, быть

можетъ, онъ и вернется, — такъ подожду еще полгода.

— Мудро, мудро! воскликнули старики, погладивъ Яни по головѣ, какъ младенца, не смотря на то, что ему минуло уже двадцать лѣтъ.

Прошло еще шесть мѣсяцевъ и старикъ не являлся и даже вѣсточки отъ него не было. Мулла опять явился къ Яни съ двумя совѣтниками своими, и снова сказалъ ему:

— Послушай, Яни, нашъ Абдула опять не явился... а вѣдь и второй срокъ, назначенный тобою, миновалъ. Ужь вѣрно нѣтъ старика въ живыхъ. И вотъ мы пришли признать тебя законнымъ его наслѣдникомъ, и ввести тебя во владѣніе его имуществомъ. Мы долгомъ считаемъ также напомнить тебѣ то, что ты, конечно, и самъ помнишь, а именно о выдачѣ Хасану двухсотъ червонцевъ, и о томъ, чтобы ты берегъ сокровище, врученное тебѣ благотворителемъ твоимъ, какъ зеницу ока.

— Теперь я готовъ повиноваться вамъ, сказалъ Яни. Но подождите немного, выпей-

те кофею, выкурите трубку, а я покамѣсть пошлю за Хасаномъ, чтобы вы сами объявили ему волю его дяди, и вручили ему надлежащую сумму.

Старцы нашли, что это благоразумно и, исполнивъ все что слѣдовало, пожелали Яни жить и дѣйствовать достойно того благополучія, которое доставило ему небо.

Сдѣлавшись полнымъ хозяиномъ значительнаго имущества и огромнаго капитала, Яни нанялъ *хорватовъ* *), нанялъ искусныхъ винодѣловъ и огородниковъ, нанялъ опытныхъ пастуховъ и принялъ всѣ мѣры, чтобы дать хозяйству болѣе разумное развитіе — оно крайне было запущено скряжничествомъ, безпечностію и нерасторопностію стараго хозяина. Яни рѣдко бывалъ дома, цѣлыми днями хлопоталъ и, хотя и началъ жить въ бо̀льшемъ довольствѣ, чѣмъ прежде, но не роскошничалъ и избѣгалъ пирушекъ. Куда онъ бѣгалъ, съ кѣмъ видѣлся, что дѣлалъ?— объ этомъ сосѣди ничего не знали.

*) *Хорваты* — Славяне, которыхъ турки и греки нанимаютъ, чтобы стеречь огороды, сады и виноградники.

— Умный малый Яни! говорили старые сосѣди, не забывается; по прежнему почтителенъ съ пожилыми и кротокъ со всѣми. Говорятъ, что виноградники его и сады процвѣтаютъ... а между тѣмъ онъ продолжаетъ скромно жить и не мотаетъ. Жалко только, замѣтилъ Мегемедъ-бей, что цѣлый день по гостямъ шатается... совсѣмъ почти дома не сидитъ. Это мнѣ не по вкусу.

Тутъ мулла замѣтилъ, что онъ, быть можетъ, невѣсту выбираетъ, сватается.

— Ну, вотъ еще, сказалъ Мегемедъ-бей; такое дѣло не долго сладить; стоитъ изъ этого цѣлый день по городу рыскать... Что скажетъ Барба-Коста?

— А я скажу, отвѣтилъ старый грекъ, что еслибъ онъ по гостямъ бѣгалъ, такъ онъ принималъ бы къ себѣ и у себя гостей; но онъ рѣдко когда гостей принимаетъ, вы это сами видите. Стало быть, онъ по дѣламъ своимъ бѣгаетъ. Я слѣдилъ за нимъ и замѣтилъ, что онъ только къ дѣльнымъ людямъ заходитъ и людей пустыхъ избѣгаетъ.

— Если такъ, сказалъ мулла, такъ и воздержимся отъ осужденія.

Прошло два года послѣ того, какъ Яни вступилъ во владѣніе имуществомъ Абдулы. Однажды, въ прекрасное майское утро, сидѣлъ онъ въ саду своемъ среди цвѣтовъ, пилъ кофей и курилъ кальянъ. Вдругъ видитъ: изъ-за кустовъ выглядываетъ большущая бѣлая чалма — чалма на старцѣ съ длинной, сѣдою бородою.

— Абдула! вскрикнулъ радостно Яни. Ты ли это, благодѣтель мой... или тѣнь твоя мнѣ грезится?

Согбенный старецъ молча вышелъ изъ за кустовъ и подошелъ къ Яни, ласково на него посматривая.

— Это я, дитя мое. Я самъ, а не тѣнь моя.

— Добро пожаловать! благодѣтель мой... Какъ радъ я, что ты еще въ живыхъ. Садись же скорѣе, ты здѣсь у себя, ты по прежнему полный хозяинъ всего того, что тебя окружаетъ, да и самъ-то я, по прежнему, твой покорный слуга.

*

Старикъ усѣлся, ласкалъ Яни за подбородокъ, потомъ сказалъ:

— Я думалъ, что застану тебя окруженнаго многочисленной прислугой, роскошно разодѣтаго, на роскошномъ диванѣ; но я вижу, что ты по прежнему просто одѣтъ и просто живешь. Хвалю тебя за это! а сберегъ ли ты деньги?

— Сберегъ, эфенди. Вотъ тебѣ и ключъ отъ сундука, который теперь находится въ твоей комнатѣ.

— Похвально! Такъ продолжай же владѣть своимъ добромъ. То, что разъ Абдула даровалъ, того назадъ не возьметъ. Только пріюти меня на старости лѣтъ, коли мое присутствіе тебѣ не противно.

— Живи, эфенди, живи со мною, благодѣтель мой, въ довольствѣ и изобиліи. Доходы мои теперь почти удесятерились. Располагай деньгами, раздавай щедро милостыню, кому заблагоразсудишь, и ни о чемъ не заботься. Всѣ заботы я беру на себя.

Выпилъ Абдула чашку кофею, выкурилъ трубку и легъ отдохнуть. Полежавъ часа

три, онъ всталъ и сѣлъ отобѣдать съ Яни и съ тремя старыми пріятелями своими, которыхъ Яни пригласилъ по случаю возвращенія Абдулы. Старцы разсказали ему, какъ Яни отложилъ на полгода свое водвореніе въ его имуществѣ, какъ онъ велъ себя скромно и умѣренно. Въ свою очередь Абдула разсказалъ имъ подробно о своемъ странствованіи и о томъ, какъ гостилъ онъ въ Меккѣ у гостепріимнаго богача Ибрагимъ-бея, и какъ здоровье его поправилось. Онъ сказалъ, что давно бы могъ возвратиться домой, да не возвращался по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы дать Яни время самостоятельно распорядиться добромъ своимъ, и во вторыхъ, чтобы сосѣдство золота не нарушало его собственнаго покоя... Онъ увѣрялъ, что теперь уже окончательно отрезвился... и что это сосѣдство ему уже безопасно... „Такъ то мудрые мужи, продолжалъ Абдула; правдиво говорили вы, что Яни и въ лохмотьяхъ былъ богачъ, а я и съ золотомъ бѣднякъ... Умъ и время доставили ему мое наслѣдство, а я и съ золотомъ въ рукахъ только глу-

пилъ и страдалъ. Лучшій поступокъ моей жизни—это принятіе Яни въ мой домъ, да и это не моя мысль... а ваша... Спасибо вамъ за это!“

Когда старцы удалились, самъ Абдула пріодѣлся и пошелъ со двора. Поздно вечеромъ вернулся онъ домой съ озлобленными глазами; прошелъ мимо Яни, даже не взглянулъ на него, и не отвѣчалъ на его тревожные вопросы. Молодой человѣкъ смекнулъ въ чемъ дѣло, но зная, что стараго турка не вразумишь, когда онъ въ ярости, онъ дождался, чтобы тотъ улегся спать, потомъ и самъ легъ.

— Авось успокоится! думалъ Яни.

Долго вертѣлся тревожно Яни на постели прежде чѣмъ заснуть, какъ вдругъ почувствовалъ что кто-то страшно ударилъ его по плечу. Онъ опрометью вскочилъ и увидѣлъ передъ собою Абдулу: одною рукою держалъ онъ ночникъ, а другою—длинную палку, которой собирался нанести ему новый ударъ. Глаза его сверкали, какъ уголья, усы ощетинились, а у рта была пѣна.

— Зарѣзалъ бы я тебя, гьягуръ нечистый... Какъ волка зарѣзалъ бы, когда бы не помнилъ, что ты мнѣ жизнь спасъ, и когда бы не былъ связанъ клятвою.

— Что съ тобою, эфенди? объяснись... Чѣмъ я предъ тобою провинился?

— Измѣнникъ, вѣроломный! Такъ-то ты исполнилъ мое завѣщаніе! Такъ-то ты сдержалъ свое слово? Такъ-то ты сберегъ сокровище мое? Въ сундукѣ и третьей доли не осталось того золота, которое я цѣлую жизнь копилъ.

— Я деньги сберегъ — и ни одной копѣйки не пропало, хоть они и не въ сундукѣ. Не осуждай меня, не вникнувъ въ дѣло, а лучше пригласи мудрыхъ сосѣдей, пусть они разберутъ насъ, и если они найдутъ, что я не исполнилъ обѣта, то самъ ты придумай казнь для меня... Я приму ее, не прекословя.

Не прошло и четверти часа, какъ старцы явились и усѣлись на диванѣ. Передъ ними стоялъ обвиненный и бодро смотрѣлъ имъ въ глаза.

— Слушайте и судите, мудрые мужи, сказалъ Абдула. Сегодня, послѣ обѣда, вздумалось мнѣ проходиться по городу нашему. Смотрю вокругъ себя и не узнаю городишка. Бывало, у пристани стояли двѣ, три рыбацкія лодки, да какой нибудь негодный трехандири, а ныньче вижу — нѣсколько большихъ коммерческихъ бриковъ. Бывало, тишина невозмутимая царствовала на нашей набережной, а нынѣ тамъ шумъ, гамъ и суматоха... Бочки катаютъ, товарные тюки ворочаютъ. Старые домишки уже не смотрятъ развалинами, они точно всѣ помолодѣли. Выросли новыя зданія; гдѣ была негодная мельница съ изломанными крыльями, тамъ теперь мельница громадная, великолѣпная... такъ и машетъ длинными руками своими, словно къ себѣ манитъ. Гдѣ была лачужка, въ которой выдѣлывали фески, тамъ ныньче цѣлое заведеніе въ обширныхъ размѣрахъ. Хлѣбникъ, кузнецъ, башмачникъ и множество другихъ мастеровыхъ и торгашей, которые, бывало, съ голоду чуть не умирали... теперь сидятъ себѣ, какъ бары, въ

просторныхъ и чистыхъ лавкахъ. Все измѣнилось въ городѣ, все раздобрѣло! Люди смотрятъ весело, нищихъ почти вовсе нѣтъ, вездѣ оживленіе и даже дѣтяшки не пачкаются въ лужахъ, и съ книжонками въ рукахъ идутъ въ школу... Каково! откуда и школа взялась? Чтобы это все значило, думалъ я. Семьдесятъ лѣтъ жилъ я въ этомъ городишкѣ, и семьдесятъ лѣтъ сряду видѣлъ все тѣ же лачужки и тѣже лохмотья; все ту же нужду и то же убожество. Откуда же взялось внезапно это изобиліе? Какъ это случилось, что въ два года городишко пришелъ къ такому благосостоянію, къ какому не могъ подойти въ продолженіи сотни лѣтъ. Или паша съ ума сошелъ, да снялъ съ горожанъ разные налоги? Или султанъ въ неисчерпаемой милости своей даровалъ городишкѣ разныя льготы и привилегіи? Захожу я къ хлѣбопеку и спрашиваю: ей, Іорго, ты никакъ разбогатѣлъ? — „По милости кир-Яни, *) вашего питомца,“ отвѣчалъ онъ.

*) *Киръ, киріосъ* — значитъ господинъ.

Захожу къ кузнецу, спрашиваю: ей, Діонисій, какъ ты разбогатѣлъ? — „По милости кир-Яни.“ Къ кому не обращусь съ вопросомъ: ты какъ разбогатѣлъ? отъ всѣхъ получаю тотъ же самый отвѣтъ; всѣ говорятъ: по милости кир-Яни. Могъ ли я послѣ того не понять, что Яни размытарилъ все мое сокровище... мою душу... мое золото... которое я цѣлый вѣкъ берегъ какъ зеницу ока?! И въ самомъ дѣлѣ, ночью, какъ только все утихло въ домѣ, я подошелъ къ желѣзному моему сундуку, отомкнулъ его, и нашелъ едва ли треть того, что прежде было въ немъ. Вотъ какъ исполнилъ завѣщаніе мое этотъ дикій волченокъ, эта змѣя, пригрѣтая мною.

Старцы съ негодованіемъ покачали головами и спросили у Яни, сознается ли онъ въ своемъ преступленіи? На этотъ вопросъ, Яни спокойно отвѣчалъ:

— Я не могу сознаваться въ преступленіи, котораго я и не думалъ дѣлать. Я честно исполнилъ предписаніе моего благодѣтеля.

— Кто же вынулъ деньги изъ сундука, коли это не ты?

— Я и не говорю, что не вынималъ. Конечно, я ихъ вынулъ и даже всѣ употребилъ въ дѣло.

— Какъ же ты говоришь, что ты сберегъ ихъ? Ты — или плутъ, или сумасшедшій.

— Ни то и ни другое. А прежде, чѣмъ обвинять человѣка, судья долженъ его выслушать. Вотъ въ чемъ дѣло: Еще задолго до отъѣзда моего благодѣтеля въ Мекку, я ознакомился коротко съ самыми честными и дѣльными промышленниками нашего города. Изучая ихъ положеніе и ихъ занятія, я мало по малу пришелъ къ убѣжденію, что бѣдственное состояніе, въ которомъ они находятся, какъ и большая часть жителей нашего города, происходитъ отъ того, что средствъ нѣтъ у нихъ, чтобы дать ходъ своей дѣятельности. Съ такимъ убѣжденіемъ, какъ только я вступилъ во владѣніе доставшагося мнѣ состоянія, я тотчасъ же пошелъ къ мельнику и сказалъ ему: „Пшено нашего края мы продаемъ сырьемъ — иногородцамъ;

а тѣ обращаютъ его въ муку, и потомъ, намъ же продаютъ въ три-дорога. Ты, какъ мельникъ, построй себѣ большую мельницу о восьми поставахъ, мели пшено на весь городъ нашъ, и даже на вывозъ, но продавай дешево, такъ и тебѣ будетъ выгодно и всему нашему краю полезно. Я знаю, что на такую мельницу нужно столько-то уговъ (монета); вотъ они, бери ихъ въ долгъ и принимайся тотчасъ же за дѣло. А какъ пойдетъ у тебя предпріятіе на ладъ, такъ ты начнешь уплачивать мнѣ по немногу капиталъ и проценты. Потомъ, пошелъ я къ хлѣбопеку и сказалъ ему: Въ нашемъ городѣ всякое бѣдное семейство печетъ само для себя хлѣбъ. Вслѣдствіе того выходятъ лишнія деньги на топливо, которое у насъ и безъ того дорого; да и времени много отнимается у рабочихъ людей для печенія домашняго хлѣба. Такъ ты устрой большую пекарню. Мука тоже будетъ приходиться тебѣ дешевле, потому-что мука у насъ не привозная, и скупать ее ты будешь гуртомъ, да и топливо обойдется дешевле, потому что ты

будешь хлѣбы печь въ большомъ количествѣ; поэтому тебѣ легко понизить цѣну, и тогда городъ скоро пойметъ, что гораздо выгоднѣе брать у тебя готовый хлѣбъ, чѣмъ заготовлять его у себя дома. И далъ я ему денегъ, на такихъ же условіяхъ, какъ и мельнику. Потомъ пошелъ я къ моряку Спиро. «Построй ты, братецъ, большой бригъ и два трехандири. Трехандири для сообщеній и перевозки товаровъ въ нашихъ моряхъ, а бригъ для дальняго плаванія. Бригъ будетъ твоей собственностью, а два трихандири — тѣхъ двухъ моряковъ, пріятелей твоихъ, которыхъ ты такъ хвалилъ. Вывозите на судахъ своихъ произведенія нашего городка и его окрестностей, и привозите намъ изъ другихъ мѣстъ все нужное и полезное для насъ; да не бери дорого за провозъ, такъ я отсрочу платежъ долга. Съ такими же предложеніями пошелъ я и къ мастеру фесокъ и колпаковъ, и къ кузнецу, и къ бакалейщику, и ко многимъ другимъ ремесленникамъ, промышленникамъ и купцамъ, которыхъ я зналъ, какъ людей честныхъ, смышленыхъ и дѣя-

тельныхъ, прозябающихъ въ бѣдности и часто сидящихъ безъ работы не по лѣни, не по неспособности, а только по безденежью. Себѣ же оставилъ я пятую долю всего моего капитала, которую и употребилъ на собственныя мои предпріятія. Прошелъ годъ, и все закипѣло въ нашемъ городкѣ, все оживилось. У кого только появилось какое-нибудь дѣльное заведеніе, къ тому льнулъ бѣдный народъ въ прикащики или въ работники, тогда какъ прежде этотъ самый народъ сидѣлъ безъ дѣла, сложа руки, и голодалъ. Трудъ закипѣлъ, товары подешевѣли, денегъ прибыло. Вотъ отчего ты не узналъ города, благодѣтель мой.

— Но какъ ты смѣлъ? закричалъ Абдула.

— Дай договорить. Кто скажетъ, что я рискнулъ деньгами, тотъ ошибется. Я не давалъ денегъ негодяямъ, лѣнтяямъ и глупцамъ. Я снабжалъ ими только тѣхъ, которыхъ я коротко узналъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Кромѣ того, я всѣхъ ихъ связалъ векселями, и тѣмъ, что далъ слово строго взыскивать деньги съ тѣхъ, которые недобро-

совѣстно поведутъ дѣла свои, и обѣщалъ напротивъ отстрочивать платежъ для всѣхъ тѣхъ, которые будутъ довольствоваться небольшими барышами для пользы города. Самъ же я всего этого предпринять не могъ, потомучто я не во всякомъ дѣлѣ мастеръ. Выговоривъ себѣ право слѣдить за тѣмъ, какъ они устраиваются и употребляютъ на дѣло ввѣренныя имъ деньги, я самъ учился уму-разуму и узнавалъ, какъ деньга деньгу приноситъ. Да и то сказать, вѣдь не трудомъ нажилъ я состояніе; оно дано мнѣ Провидѣніемъ; такъ не прямой ли долгъ мой подѣлиться счастіемъ моимъ съ ближними моими? Годъ послѣ того, какъ они получили отъ меня пособіе, они уже начали понемножку расплачиваться со мною. Деньги же, мною самимъ пущенныя въ оборотъ, начали приносить мнѣ значительный доходъ, и тѣ деньги, которыя ты нашелъ въ сундукѣ, Абдула, это не прежнія деньги, которыя уже начали возвращаться ко мнѣ въ сундукъ съ лихвою. Пройдутъ еще два года, такъ сундукъ твой снова наполнится. Еще два года пройдутъ, такъ къ

сундуку твоему и другой присоединится—сынокъ его, плодъ его. Стало быть деньги, данныя мнѣ Абдулою, цѣлы; онѣ только не всѣ въ этомъ сундукѣ находятся, а въ разныхъ сундукахъ и въ разныхъ карманахъ. Онѣ ходятъ изъ кармана въ карманъ и, доставляя барышь бѣднякамъ, съ лихвою возвращаются въ свой родной сундукъ. Не сберегъ денегъ твоихъ племянникъ твой Хасанъ; онъ въ два мѣсяца прокутилъ ихъ безвозвратно; онъ не только употребилъ ихъ на гнусныя прихоти, но и въ долги вошелъ, за что и посадили его въ тюрьму, по твоему же распоряженію, многоуважаемый мулла; Хасанъ и до сихъ поръ сидѣлъ бы тамъ, когда бы я его не выкупилъ. Кто спускаетъ деньги на прихоти свои, нисколько не заботясь объ ихъ возвращеніи, про того можно сказать, что онъ имъ цѣны не знаетъ. Кто подъ замкомъ держитъ золото, и тотъ его не бережетъ; потомучто, золото ли, булыжникъ ли подъ замкомъ лежитъ, все равно— отъ того или отъ другаго столько же пользы. Когда Абдула сидѣлъ тамъ на горѣ надъ сѣ-

рымъ камнемъ, зарытымъ мною вмѣсто золота, онъ также счастливъ былъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ надъ золотомъ сидѣлъ, и это не удивительно, лежачее золото—тотъ же булыжникъ. Деньги только тогда деньгами назвать можно, когда онѣ поощряютъ трудъ и ростутъ; а лежачія деньги, что мусоръ въ помойной ямѣ; столько же пользы и отъ нихъ. Стало быть, не тотъ бережетъ деньги, кто держитъ ихъ подъ замкомъ, а тотъ, кто пускаетъ ихъ разумно въ оборотъ на свою пользу и на пользу общества.

— Правда, правда твоя, Яни, сказали три старца въ одинъ голосъ. Тутъ Барба-Коста продолжалъ:

— Абдула поручилъ Яни беречь подаренныя ему деньги; ладно. Всякій хозяинъ бережетъ свои деньги, какъ знаетъ; кто въ подвалѣ, кто подъ землею, кто за поясомъ, а кто въ разумныхъ оборотахъ. Кто бережетъ деньги, не пуская ихъ въ дѣло, тотъ не бережетъ ихъ, а губитъ ихъ; не пустить деньгу въ ходъ на свою пользу и на пользу ближняго, тоже почти, что красть деньгу у себя и

у ближняго, и стало быть вредить и себѣ, и ближнему. Тотъ только бережетъ деньгу, кто съ умомъ пускаетъ ее въ дѣло; тотъ не только бережетъ ее, но и удвоиваетъ; и мало того, что удвоиваетъ, — онъ и себя счастливитъ, и ближняго, и всему обществу пользу приноситъ, потомучто поощряя трудъ, изгоняетъ праздность, а тѣмъ самымъ изгоняетъ и нищету, и воровство, и много другихъ несчастій и пороковъ.

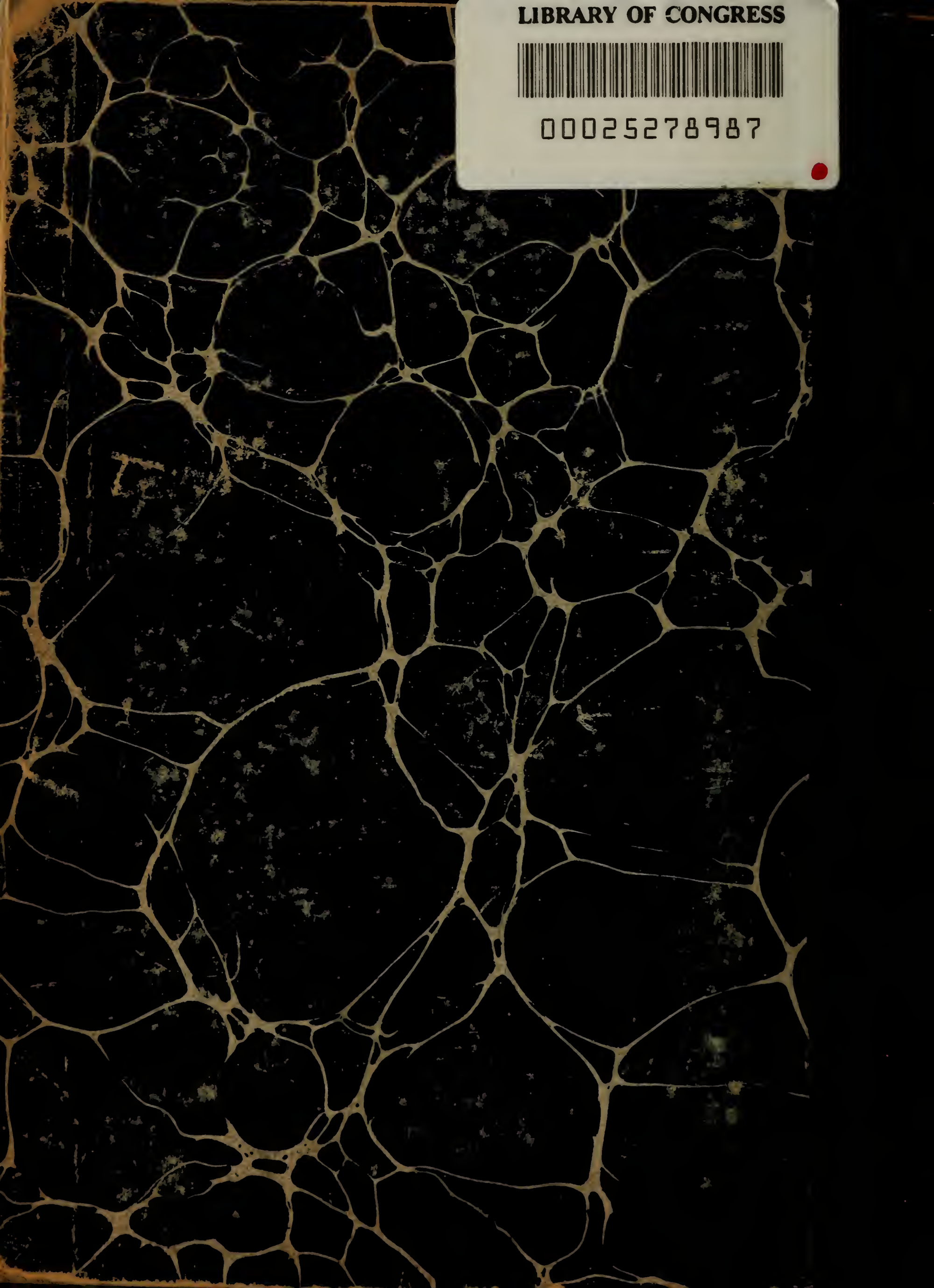
— Истинно такъ, Барба-Коста, воскликнули мулла и Мегметъ-бей. Тутъ мулла обратился къ Абдулѣ:

— Старый другъ Абдула, примирись съ Яни! Онъ не размытарилъ денегъ своихъ, а сберегъ ихъ по своему уразумѣнію, по праву собственности. Пока эти деньги были твоей собственностью, онъ и не коснулся до нихъ, хоть онѣ были и въ его рукахъ. Не онъ, а ты, старый, губилъ эти деньги, пока сидѣлъ на нихъ, какъ кура на болтунахъ. Ты лишалъ нашъ городокъ того благосостоянія, которымъ онъ теперь пользуется по милости Яни. Да, Яни сдержалъ свое слово;

онъ сберегъ свои деньги и ты также несправедливо сердишься на него теперь, какъ тогда, когда онъ спасъ тебѣ жизнь. Правду говорилъ онъ, когда увѣрялъ тебя, что онъ обладаетъ сокровищемъ: здравый умъ и честность — великія сокровища. У кого есть такое сокровище, у того и всякое другое будетъ.

Абдула погладилъ въ раздумьи свою сѣдую бороду и смиренно произнесъ:

— Вѣкъ живи, вѣкъ учись. Теперь и я понялъ, что безъ ума — голова тыквы не стоитъ, и что деньга лежачая, что лужа стоячая — таже гниль...

LIBRARY OF CONGRESS
00025278987